

ТУМАН УХОДИТ УТРОМ

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

Александра Шервинская Туман уходит утром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69943423

SelfPub; 2024

Аннотация

С насмешкой относясь ко всякого рода мистическим историям и фильмам о паранормальных явлениях, Соня и подумать не могла, что после поездки к лесному озеру её жизнь кардинально изменится: друзья сначала исчезнут самым загадочным образом, а вернувшись, начнут вести себя крайне подозрительно. Да и они ли это? Бывший парень внезапно решит помириться, какие-то странные личности станут следить за каждым шагом, а приходящее во снах видения только больше запутают и без того непростую жизнь. Всё словно перевернётся с ног на голову, а разгадку надо искать там, в лесу, где на заросшей клевером поляне стоит оно... странное дерево. Соня абсолютно уверена, что вся чертовщина, которая с ней творится, связана именно с ним.

Александра Шервинская

Туман уходит утром

ГЛАВА 1

Солнце медленно, сыто переваливаясь с одного бока на другой, скатывалось в сторону горизонта и лениво рассыпало по верхушкам деревьев мягкий рассеянный свет. Не обжигающий, не яркий, а по-августовски вальяжный и ласковый.

Таким летним вечером хорошо лежать на клетчатом пледе где-нибудь в саду под старой яблоней и читать, например, «Гордость и предубеждение», «Унесённые ветром» или что-нибудь о великолепном Эрколе Пуаро. А рядом в плетёной корзинке ждут завернутые в льняную салфетку сэндвичи, пара румяных яблок и бутылка с холодным чаем. И можно изящным движением затянутой в тонкую перчатку руки поправлять сползающую на затылок соломенную шляпку, и, прищурившись, смотреть на небо... Но это всё в другой, придуманной и иногда приходящей во снах жизни...

А в этой я уже второй час трясусь в машине, которая с недовольным скрипом переваливается по ухабам проселочной дороги. На неё мы свернули с одной-единственной целью: добраться до обещанного нам Давидом лесного озера «изумительной, нечеловеческой красоты». Это я цитирую нашего Сусанина, так как лично мне и в голову бы не при-

шло говорить о нечеловеческой красоте озера – это же просто водоем!

Любовь Давида к цветистым метафорам иногда раздражала до зубовного скрежета, но так как в целом парнем он был неплохим, компанейским и веселым, то этот маленький недостаток ему охотно прощали. Восточная кровь, опять же, сказывалась, а «восток – дело тонкое», как известно. К тому же именно он был обладателем не новой, но крепкой «Субару Форестер», наличие которой позволяло нашей компании регулярно выбираться из душного города.

По уверениям Додика, озеро находилось буквально в паре десятков километров от шоссе, то есть максимум в получасе езды, даже учитывая качество дороги. Но сейчас, спустя полтора часа, все, даже проспавший половину пути Венечка, поняли: мы однозначно едем не туда. Вокруг темной стеной возвышался хвойный лес, через который песчаной змеей неспешно ползла становящаяся всё более узкой грунтовка, с одной стороны ограниченная тесно растущими деревьями, а с другой – достаточно глубокой канавой, почти оврагом, с крутыми склонами.

– Додик, разворачивайся, понятно же, что не туда едем, – озвучила я, как мне казалось, очевидное, – а то так можно плутать до бесконечности.

– Непременно, – огрызнулся раздраженный недовольными взглядами и осуждающим молчанием ребят Давид, – как только найду место, где смогу это сделать. Ты же видишь:

тут ширины не хватит. Или в деревья уткнёмся, или в кювет сползём. Ты выталкивать будешь?

Вздохнув, я была вынуждена согласиться, так как дорога, по которой мы ехали, – если эту тропу всё ещё можно было называть гордым словом «дорога» – явно не дала бы развернуться почти пятиметровому кроссоверу.

– Но раз есть дорога, даже такая, значит, она куда-то приведет? – не то спросила, не то просто прокомментировала ситуацию Лика. – Не может же быть, чтобы она просто закончилась посреди леса. А оттуда, куда мы приедем, наверняка можно будет позвонить.

– А тебя не смущает то, что сеть как исчезла полчаса назад, так и не появлялась? – криво усмехнулся Венечка. – С чего ты взяла, что там она волшебным образом возникнет?

– Ну не могут же они жить в лесу без связи! – Лика насмешливо посмотрела на приятеля. Действительно, в её незамысловатом гламурном мире ни одно живое существо просто не смогло бы длительное время находиться в пространстве, где нет сотовой связи, ночных клубов и салонов красоты.

Иногда я думала: неужели Лике не скучно в нашей компании? Никто из нас не относился к «сливкам» общества, и что заставляло Лику, этот усовершенствованный вариант куклы Барби, проводить с нами время, не мог понять ни один из нас. Но поскольку характер у неё был лёгкий, то никто, в общем-то, и не возражал.

– Вот смотрите, сейчас повернем, а там стоит страшный-страшный жуткий дом, как в фильмах ужасов, знаете? Заброшенный такой... мрачный, – зловещим шепотом предположил Мишка и постарался придать своей веснушчатой физиономии максимально злодейское выражение.

– Да ну тебя, – махнула рукой Лика, постаравшись сделать это так, чтобы солнечный лучик упал на крупный бриллиант, по-купчески самодовольно сверкнувший на ее изящном пальчике. Неделию назад ей всё-таки удалось добиться от своего давнего кавалера долгожданного предложения руки и сердца, и только она сама (ну и я немножко) знала, каких колоссальных усилий это потребовало. Так что эта вылазка на природу в традиционном составе была последней: солидный Ликин жених Константин Александрович (да-да, только так – по имени и отчеству, никакой фамильярности!) не одобрял подобных развлечений.

– Ну а что? – Венечка взлохматил и без того растрепанную русую шевелюру. – Помните, как в детстве: «в чёрном-чёрном городе, в черном-черном доме, в чёрной-чёрной комнате... те» ...

Последнее слово он произнес с запинкой, словно споткнувшись на середине: дорога сделала неожиданно крутой поворот влево и уткнулась пыльным носом в очаровательную полянку, густо заросшую васильками и отцветающим кипреем. Белые пушинки беззаботно летали в воздухе, а посреди поляны стояло огромное дерево, на котором не было

ни одного листка. Впечатление оно производило – во всяком случае, издали – самое что ни на есть жуткое.

– Ну и куда ты нас привёз? – озвучил Венечка возникший одновременно у всех вопрос. – То, что это не озеро, я полагаю, очевидный для всех факт.

– Не умничай, – Лика отвечала, скорее, по привычке спорить с Венечкой по любому поводу, впрочем, и без повода тоже, – зато есть полянка, значит, сейчас спокойно развернемся и поедем обратно в город. Будем просто считать, что отдых на озере откладывается.

– Вы как хотите, конечно, а я обязательно сфотографирую и само дерево, и себя на его фоне, – решительно сказал Мишка и, выбравшись из машины, сладко потянулся, – что и вам советую. Кадры будут просто чумовые, это я вам как профессионал со стажем ответственно заявляю.

Мишаня подрабатывал в одном интернет-издании фотографом и поэтому считал себя чуть ли не гуру в этой области, искренне обижаясь на наш откровенный скептицизм. Но сейчас спорить с ним никто и не подумал: дерево действительно выглядело совершенно inferнально. Гладкий, словно отполированный ствол был покрыт странной корой: никаких характерных для обычных деревьев прожилок, трещинок, неровностей – абсолютно гладкая поверхность, напоминающая, скорее, не дерево, а пластмассу, но при этом теплая, я бы сказала, пугающе живая. Складывалось впечатление, что под этой глянцевой антрацитово-черной поверхно-

стью по каким-то каналам бежит кровь, как у человека по венам и артериям.

Корявые узловатые ветви раскинулись в стороны, словно очерчивая некий круг, внутри которого ничего не росло: ни трава, ни вездесущий кипрей, ни даже крапива. Опавшей листвы тоже не было, так как на странном дереве, видимо, листья просто-напросто не росли. Ветви напоминали руки с множеством скрюченных пальцев, которые, казалось, только и ждут, чтобы схватить путника, случайно пересекшего невидимую границу.

Я медленно обошла дерево вокруг, чувствуя странное, объективно ничем не объясняющееся желание оказаться от него как можно дальше. Вообще-то излишней впечатлительностью я никогда не отличалась: во время просмотра фильмов ужасов голову под подушку не прятала, в тёмных помещениях чувствовала себя достаточно комфортно, гулять же ночью по кладбищу мне мешал не страх, а полное отсутствие смысла в подобном мероприятии.

Сейчас, однако, мне казалось, что по коже словно скользнул едва заметный, но от этого не менее пронизывающий ледяной ветерок, совершенно неуместный солнечным летним днём. Причём он был не просто холодным, а каким-то липким и в то же время скользким, словно какой-то невидимый морской хищник, притаившийся внутри этого странного дерева, провёл по шее и спине мерзким мокрым щупальцем.

Пока я ходила и присматривалась к непонятному дере-

ву, народ вовсю развлекался, стараясь запечатлеть себя в как можно более экстравагантных позах и положениях: Мишка даже умудрился подпрыгнуть и ухватиться за самую нижнюю ветку, повиснув на ней, словно обезьяна, и в этом положении пытался сделать сэлфи. Лица эротично изгибалась на фоне иссиня-чёрной коры, демонстрируя богатое содержимое декольте, а Додик с энтузиазмом, достойным лучшего применения, её фотографировал. Венечка, видимо, вспомнив не слишком благополучное детство, достал ножик и пытался что-то нацарапать на стволе дерева. Кора не поддавалась, и он злился, шипя себе под нос что-то явно нецензурное.

–Сонь, иди сюда, я тебя сфоткаю, – позвал меня Мишаня, оставив наконец-то в покое ветку, – что ты бродишь там в никому не нужном гордом одиночестве? Смотри, какое дерево шедевральное!

–Не хочу, – я решительно замотала головой, ощущая глубокий иррациональный ужас перед этим гладким чёрным стволом, скрюченными ветками и каким-то мёртвым кругом сухой травы.

–Зря, – Мишка пожал плечами и отправился давать советы Венечке, который с упорством маньяка ковырял ножом неподатливый ствол, – пожалеешь потом, но всё: уже поздно будет!

ГЛАВА 2

Я махнула рукой и медленно побрела в сторону стоящей

с распахнутыми дверцами машины, думая о том, что если мы скоро поедem обратно, то, пожалуй, есть неплохой шанс успеть сегодня дочитать норвежский детектив, который я начала вчера и который мне понравился нетривиальным сюжетом. К счастью, Давид сообразил загнать машину в тень, поэтому нам, судя по всему, не придётся забирагься в раскалённую на солнце консервную банку. Можно, конечно, открыть окна или включить кондиционер, но сидения и обшивка салона от этого прохладнее не станут, так что тенёк – это прекрасно.

Я взглянула на небо, прикинула, с какой стороны будет солнце, когда мы поедem обратно, и предусмотрительно заняла место в тени. Ну а что? Как говорится, кто первый встал, – того и тапки. Кто-то содержимое декольте всем желающим демонстрировал, а кто-то побеспокоился о своём удобстве, не желая жариться на послеобеденном солнцепёке.

Когда ребята, вдоволь нафотографировавшись, подошли к машине, я, довольная, как слон на пляже, сидела в тени и листала обнаруженную в бардачке брошюру о пользе лечебного голодания. Каким образом этот шедевр научно-популярной мысли мог попасть в машину Додика, я так и не смогла придумать, а спрашивать при всех не решилась: мало ли какие у человека секреты интимного свойства... Может, наш красавчик втихаря голодает и поправляет здоровье, кто его знает?

– Тут я сидела, – Лика недовольно сморщила носик, уви-

дев, что я заняла самое выгодное место, – и, между прочим, страдала от солнца всю дорогу...

– Тем более, значит, тебе не привыкать, – с самой доброжелательной улыбкой ответила я, – и потом, мы же в основном поедem через лес, а в нём деревья вон какие высокие.

– Девочки, не ссорьтесь, – привычно сказал Венечка, усаживаясь между мной и сердитой Ликой, – если я правильно помню, то солнце будет светить нам в спину, так что всем будет одинаково жарко.

Так, потихоньку беззлобно переругиваясь, мы наконец-то загрузились в машину и, спокойно развернувшись на васильковой поляне, поехали обратно в сторону цивилизации. Дорога здесь была одна – та самая узкая грунтовка, так что опасность заблудиться нам ни с какой стороны не угрожала.

Я задумчиво смотрела в окно на проплывающие мимо деревья, думая о том, что напрасно говорят, будто уже знакомый путь кажется короче: у меня было впечатление, что мы уже давным-давно должны были выехать туда, где хвойные заросли заканчиваются и начинаются покрытые клевером и всё тем же неизбежным кипреем поля. Но вокруг по-прежнему высилась сплошная тёмно-зелёная стена.

Моё внимание почему-то привлекла странно изогнутая ель, напоминающая формой ствола латинскую букву S. Я, хихикнув про себя, подумала мельком, что на доллар похожа: и формой, и цветом. Был бы на моём месте Мишка, он тут же потребовал бы остановить машину и поскакал бы фо-

тографировать прикольное дерево.

Наконец-то впереди показался поворот и какой-то пока плохо понятный просвет между деревьями, и я облегчённо перевела дыхание, решив, что гнетущая смутная тревога, поселившаяся в душе после поляны со странным деревом, – всего лишь ничего не значащий пустяк. Рядом так же облегчённо вздохнул Венечка, а простодушный Мишаня вслух заявил:

– Я думал, что эти дурацкие ёлки никогда не закончатся, честное слово. Даже в какой-то момент решил, что мы заблудились, не в обиду тебе, Додик, будет сказано...

– Да ладно, – проворчал Давид, выворачивая из леса на простор, и вдруг резко ударил по тормозам.

– Твою ж мать! – Венечка был более эмоционален и высказал вслух то, что про себя произнёс каждый: вместо поля, засеянного чем-то там полезным, пред нами снова обнаружилась поляна со странным чёрным деревом. Белые пушинки кипрея беззаботно летали по воздуху, солнышко припекало, птички щебетали где-то в листве, здоровенный шмель басовито прожужжал рядом и с восторгом уткнулся в цветок клевера.

– Не понял, – помолчав, сказал Давид и растерянно оглянулся на нас, потом решительно вышел из машины и стал что-то внимательно рассматривать у себя под ногами, затем пожал плечами и вернулся на водительское место.

– Ты что-нибудь понимаешь? – повернулась ко мне момен-

тально забывшая все разногласия Лика, и в её голубых глазах вспыхнуло предвкушение чего-то интересного, о чём обычно рассказывают на всяких дурацких ток-шоу для любителей паранормального. – Мы ведь никуда не сворачивали, как мы тут оказались?

– Я знаю не больше тебя, – я пожала плечами, стараясь выглядеть спокойно и даже равнодушно, чтобы никто не догадался, что внутри меня поселился и уже пустил прочные корни страх. Самый банальный, такой, какой бывает в детстве, когда ты боишься заглянуть под кровать, потому что там может прятаться какой-нибудь монстр. – Если ты вдруг не заметила, то я ехала вместе с тобой в той же машине, так что откуда я могу знать?

– Ладно, как бы это ни объяснялось, надо снова разворачиваться и ехать, – Венечка, наш Капитан Очевидность, как обычно, озвучивал и без того понятные всем вещи.

– Стесняюсь спросить, куда? – не удержалась от язвительного комментария я, хотя на самом деле мною двигала не природная вредность, а тот самый страх, с которым я безуспешно пыталась справиться. – Один раз мы уже поехали. Предлагаешь сделать ещё круг?

– Ну не сидеть же здесь, согласись, – примирительно проговорил Мишаня, – вряд ли сюда туристы толпами съезжаются, хотя место такое... специфическое...

– Поехали! – решительно скомандовал Додик, заводя «Субару». – Мишка прав – сидение на поляне и размышле-

ния о странностях рельефа не выведут нас на шоссе.

Подпрыгнув на незаметной в траве кочке, машина бодро выкатилась с поляны, и вокруг снова замелькали неизбежные ёлки. Все молчали, и даже Лика, хотя я видела, что её прямо распирает от желания обсудить с кем-нибудь загадочное происшествие. Но так как среди нас она была единственной, кто верил во всю эту мистическую чушь, то Лика мужественно держалась, во всяком случае – пока.

Я в очередной раз задумалась о том, что Лика делает в нашей компании, но спокойно поразмышлять мне не дали, так как Додик снова резко затормозил и нецензурно выругался. Потом повернулся к нам и, тщательно скрывая растерянность, спросил:

–Слушайте, только мне кажется, что мимо этого странного дерева мы уже проезжали, и теперь оно должно быть с другой стороны?

Все посмотрели в ту сторону, куда показывал Давид, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок: там, слева, со стороны водительского сидения, совсем рядом с обочиной, изгибалось дерево, на которое я обратила внимание ещё по пути туда. Перепутать с другим его было невозможно не только из-за необычной формы, но и из-за приметного старого птичьего гнезда, застрявшего между ветками. Это совершенно точно было то же самое дерево. Но, когда мы проезжали это место в прошлый раз, оно тоже было со стороны водителя, а сейчас мы едем обратно, и оно ну вот никак не

может находиться там же. Оно должно быть с пассажирской стороны, там, где Мишаня.

– Я ещё тогда посмотрела на него и подумала, что на доллар похоже, – задумчиво рассматривая дерево, но не торопясь выходить из машины, ответила Лика, – а ещё там с Мишкиной стороны здоровенный такой камень был, помните? Интересно, он тоже окажется с неправильной стороны или это чисто дерево такое прикольное? Давайте посмотрим, а?

– А куда мы денемся, – пожал плечами Венечка, – нам всё равно дальше ехать, по любому... вот и увидим.

Додик молча завёл машину, и мы медленно поехали дальше по тропинке, уже не беззаботно глядя по сторонам, а настороженно всматриваясь в окружающий лес. Только Лика восторженно сверкала глазами и чуть ли не подпрыгивала от нетерпения, впрочем, и остальные проявляли больше сдержанного любопытства, чем опасений. Ну как же: загадочная природная аномалия! И только я, видимо, молила высшие силы о том, чтобы камень оказался на положенном ему логикой и природой месте.

– Вот он! – торжествующе крикнула Лика, когда в поле нашего зрения возник большой, местами покрытый пятнами серого мха, валун. Он никуда не делся и по-прежнему преспокойно лежал себе на обочине... с неправильной пассажирской стороны.

– И чему ты радуешься? – покосился на сияющую Лику

Венечка. – Вопросов меньше не стало, скорее, наоборот, это к бабке не ходи. И вообще – уже часов пять, наверное, хотелось бы до матча успеть домой добраться, раз уж озеро отменилось.

– А впереди просвет, – задумчиво проговорил Додик, всматриваясь в даль, – и что-то мне подсказывает, что там не долгожданные бескрайние поля, а та самая поляна с деревом. Кто-нибудь хочет поспорить?

Желающих не оказалось, и мы со странной смесью страха и предвкушения аккуратно поехали вперёд. На этот раз никто даже не выругался: мы, не выходя из машины и не заглушая двигателя, молча смотрели на лишённое листьев чёрное дерево.

– А может, на противоположной стороне тоже есть дорога? – уже без прежнего энтузиазма предположила Лика. – Нам бы хоть до какой-нибудь цивилизации добраться, а то так можно долго ездить.

– Угу, пока бензин не кончится, – бросив быстрый взгляд на приборную панель, ответил Додик, – вот тоже странно: я заправился незадолго до того, как мы свернули, вы же помните, а по расходу бензина получается, что мы проехали километров двести, никак не меньше.

– Давайте я добегу и быстренько гляну – есть там дорога или нет, – предложил Мишка и, не услышав принципиальных возражений, выбрался из машины и быстрым шагом пересёк в общем-то не слишком большую поляну. Пройдись

немного вдоль кромки такого же хвойного леса, он радостно замахал нам руками и что-то прокричал. Поняв, что мы его не слышим, Мишаня начал активно жестикулировать, показывая, чтобы мы ехали к нему.

Я вышла из машины и тоскливо вздохнула: идти мимо чёрного дерева совершенно откровенно не хотелось. Я не могла отделаться от ощущения, что оттуда, изнутри этого чёрного ствола, за мной кто-то пристально наблюдает. И в этом внимании нет ни доброты, ни любопытства, а есть только хищный интерес умного и очень голодного существа. И оно, это спрятавшееся в дереве нечто, чрезвычайно недовольно тем, что мимо ходит столько бесхозной еды, до которой ему никак пока не добраться. Но перспектива провести ночь на окраине поляны в непосредственной близости от пугающего меня чёрного, раскорячившего ветки монстра тоже не так чтобы вдохновляла. Поэтому я глубоко вздохнула и, стараясь не слишком приближаться к дереву, прошла вдоль кромки леса к нетерпеливо приплясывающему на месте приятелю.

– Тут вполне себе приличная дорога, – радостно сообщил он, глядя, как ребята, не пожелавшие идти пешком, едут по поляне. Машина мягко переваливалась на скрытых в траве кочках, но вдруг почему-то резко вильнула в сторону и задела круг сухой травы, словно очерченный вокруг странного дерева. Мне на секунду показалось, что от ствола к машине метнулась какая-то тень, но это был, скорее всего, просто

клочок тумана.

«Субару», недовольно скрипнув тормозами, остановилась рядом с нами, мы с Мишкой забрались в салон, и Додик выехал с поляны на достаточно широкую и, я бы даже сказала, наезженную грунтовку. Когда плотный песок под колёсами сменился травой, а дорога сузилась до состояния широкой тропы, у меня в сердце зашевелилось дурное предчувствие, а когда Давид так резко нажал на тормоза, что нас всех швырнуло вперёд, то я уже знала, что увижу.

На обочине, словно издеваясь над нами и над здравым смыслом, изгибалась ель, напоминающая знак американской валюты, и даже старое растрёпанное гнездо, казалось, насмешливо кривилось в злорадной ухмылке.

Мы молча смотрели на дерево, и ни у кого не возникло ни малейшего желания не то что как-то комментировать, но даже вообще что-либо говорить: а что тут скажешь? Уже не было никаких сомнений, что происходит нечто выходящее за рамки привычной адекватной реальности. Ну не могла эта кривая ёлка оказаться снова у нас на пути, никак не могла! Она вообще осталась с той стороны поляны.

Вдруг со стороны водителя между деревьями мелькнула какая-то цветная точка: по не слишком густому лесу неторопливо брёл человек. Его ярко-жёлтый дождевик был прекрасно виден издали и выглядел непривычно обыденным посреди творящегося сумасшествия. Было не совсем понятно, как ему в такую погоду не жарко в длинном плаще с на-

двинутым на лицо капюшоном, но мало ли какие у кого причуды. Может, он клещей боится...

Давид тоже увидел неспешно идущего по лесу то ли грибника, то ли ягодника и, выскочив из машины, перепрыгнул неглубокую придорожную канавку.

– Эй! – крикнул он незнакомцу, не обратившему на стук автомобильной двери ни малейшего внимания. – Подождите, пожалуйста! Вы нам не поможете?

Человек в жёлтом дождевике и не подумал остановиться, продолжая неторопливо идти параллельно дороге. Давид уже почти догнал его, когда человек поравнялся с широко раскинувшей лапы елью. Додик вместе с ним исчез за тёмно-зелёным колючим треугольником, но с другой стороны ели никто из них так и не появился. Прошло несколько томительных минут, однако ни загадочного человека в жёлтом дождевике, ни Давида по-прежнему не было видно.

– Слушайте, а они где? – первой не выдержала Лика. – Сколько можно стоять за деревом?

– Да нету их там, – побледневший Венечка зачем-то застегнул и тут же расстегнул обратно ветровку, – не понятно что ли, там вообще никого нет, иначе хоть что-то было бы слышно. А там – тишина.

Мы дружно прислушались: действительно, в лесу не раздавалось никаких звуков кроме негромкого шороха ветвей и шелеста листьев. Не было слышно даже привычного пения птиц и жужжания насекомых. Я не люблю всякую лесную ле-

тающую живность, но сейчас я, наверное, обрадовалась бы и комару, и шмелю, и мухе. Было тихо и мирно, но почему-то от этой благодности по спине бежали ледяные мурашки.

– Как-то мне не по себе, тишина – как на кладбище, – негромко, словно сам себе, проговорил Мишка, и Лика согласно закивала, – давайте посмотрим, что там за этой ёлкой.

– Давайте, – вразнобой согласились все, но при этом никто не тронулся с места.

– Я один не пойду, – обычно с удовольствием ввязывавшийся в любую авантюру Мишаня неуверенно посмотрел на нас, – вдруг он там лежит?

– Кто? – спросила Лика, зябко кутаясь в куртку, и я вдруг заметила, что на тропинку начали опускаться мягкие летние сумерки. Значит, максимум через час-полтора станет почти темно, и путь по лесной тропе, неизменно приводящей нас на одну и ту же полянку, превратится в опасный аттракцион.

– Додик, кто же ещё, – Мишка огляделся и вопросительно посмотрел на нас, – вдруг этот мужик в дождевике его того...

– А сам испарился? – скептически фыркнул Венечка, но всем было понятно, что ему тоже страшно. – Давайте позовём, вдруг он откликнется или хотя бы как-то даст о себе знать. Застонет, например...

– Ребят, а кто умеет водить машину? – вдруг сообразила я. – Я могу, но не в лесу и не в темноте. В любом случае – найдём мы Додика или нет – отсюда надо выбираться. И присылать завтра спасателей или полицию. Кого в таких слу-

чаях зовут?

– Ты хочешь его тут бросить? – вскинулся Венечка, с возмущением глядя на меня.

– Кого конкретно? Додика? А ты предлагаешь искать его ночью в незнакомом лесу? И провалиться в первую же попавшуюся на пути звериную нору или берлогу? Чтобы искать пришлось уже не только его? – я чувствовала внутри странную обволакивающую сознание пустоту. – Мне почему-то кажется, что профессионалы справятся с этим несколько лучше. Так что с машиной?

– Я только скутер могу, – смущённо отозвался Мишка, а Венечка просто покачал головой.

– Я умею, конечно, но примерно как ты: только при свете и желательно по асфальту, – призналась Лика, – но давайте и правда попробуем его позвать...

– Не вижу смысла, но давайте попробуем, – согласился Венечка и первым закричал, – Додик! Давид! Додик!

Мы присоединились, но в лесу по-прежнему было совершенно тихо, если не считать наших попыток докричаться до непонятно куда пропавшего приятеля. Даже эха почему-то практически не было, зато постоянно возникало ощущение, что мы кричим словно в каком-то замкнутом пространстве и звуки не выходят за границы кем-то ограниченной территории. От этого становилось ещё более жутко. Было невероятно странно сознавать, что где-то совсем неподалёку есть цивилизация, большой город, суетливо толпящиеся люди и

мчащиеся по асфальту машины. Это было, да, но словно в каком-то параллельном мире. Здесь же существовали лишь высокие мрачные деревья, тёмные треугольники елей, покрытые мхом кочки – и тишина, абсолютная и зловещая.

– Слушайте, это наверняка подстроено, – стараясь придать голосу оптимистичное звучание, сказал Венечка, – сейчас мы начнём метаться, переживать, а из-за деревьев выскочат люди с криками «Вас снимает скрытая камера!»

– Я согласна, – торопливо ответила Лика, нервно стискивающая лямку кожаного рюкзака, – пусть я буду выглядеть абсолютной дурой, но зато здесь появится хоть кто-то живой... кроме нас.

– Надо всё-таки туда пойти, – Мишка решительно шагнул в сторону ёлки, за которой пропали Додик и мужик в жёлтом плаще, но остановился и оглянулся на нас. – Кто со мной? Сонь, ты же смелая, давай сходим?

– Я смелая? С чего ты взял?

Идти с Мишкой категорически не хотелось, хотя в глубине души я и понимала, что сделать это нужно, так как неизвестность гораздо хуже. Но почему я-то? Пусть вон Венечка идёт, он вроде как мужчина, хоть и выглядит почти подростком. Про Лику и речи нет, она ни за что на свете не согласится.

– Один я тоже не пойду, – Мишка отодвинулся от края дороги и сделал несколько шагов, стараясь с тропы заглянуть за злополучную ёлку, – не видно... Но им же было просто

некуда деться в этом лесу!

– Может, там подземный ход какой-нибудь? – высказал предположение Венечка, пытаясь с обочины заглянуть за дерево с другой стороны. – Со времён войны, например?

– Какой войны? – странно посмотрела на него Лика, разве что пальцем у виска не покрутила. – У нас здесь военных действий со второй мировой не было, а тому уж семьдесят лет. Любой ход давным-давно обвалился бы или зарос. Так что версия не прокатывает.

– Ну не инопланетяне же, – фыркнул задетый Ликиным тоном Венечка, – хотя это как раз было бы в твоём стиле. Ты же у нас любительница всякой паранормальной ерунды. Но, увы, с нами нет ни Малдера, ни Скалли, ни твоего обожаемого Дина Винчестера.

– Ладно, – решила я, понимая, что иначе мы на этой дороге простоим до утра, – только руку мне дай, чтобы через канаву перепрыгнуть.

– Вот! – Мишка торжественно, хотя и не слишком вежливо ткнул в меня пальцем. – Вот она, смелость и сила духа! А вы стойте тут и переживайте, мучайтесь от неизвестности.

– Отвага на грани идиотизма, – проворчала я, злясь на себя, на Мишку, на Додика и на весь творящийся вокруг дурдом.

– Ребята, вы только за эту ёлку не заходите, ладно? А то если и вы внезапно пропадёте, это будет уже явный перебор, – попросила Лика, с тревогой оглядывая нас, и внезапно пере-

крестила по очереди Мишку и меня.

Вдохновлённые таким своеобразным напутствием, мы с грехом пополам перебрались через неглубокую канавку и, неосознанно взявшись за руки, осторожно пошли в сторону загадочного аномального места. Обойдя непонятную ель по широкой дуге, мы увидели то, что и должны были увидеть: за деревом никого не было. То есть вообще никого, ни стоящего, ни сидящего, ни лежащего. Не наблюдалось также и зияющих провалов в земле, во всяком случае, заметных издали.

– Ну что? – крикнул с дороги Венечка, которому явно было неловко из-за того, что с Мишкой пришлось пойти мне, а не ему.

– Ничего, – отозвалась я и увидела, как они с Ликой разочарованно переглянулись, – и никого. Слушай, а может, мы что-то такое съели или выпили, и теперь у нас коллективная галлюцинация? – это я уже негромко спросила у нерешительно переминающегося рядом Мишки.

– Что? – он пожал плечами и вдруг шепнул. – Сонь, тебе не страшно? А то мне чего-то жутковатенько так, словно фильм ужасов смотрю и точно знаю, что в ближайшее время случится что-то кошмарное. Только это будет не на экране, а в реальности, и не с кем-то там, а со мной... со всеми нами?

– Слушай, не нагнетай, – я раздражённо поморщилась, так как приятелю удалось передать именно то, что никак не могла сформулировать я сама: ощущение стремительно приближающейся неизбежной катастрофы.

Пока мы занимались разведывательной деятельностью, тени вокруг стали гуще, и я повернулась к Мишке:

– Мишань, а который час? Я телефон в машине оставила, в сумке: всё равно сети нет.

Приятель вытащил из нагрудного кармана рубашки смартфон, посмотрел на экран, зачем-то встряхнул аппарат, снова посмотрел и непонимающе взглянул на меня:

– Странно, – многочисленные веснушки стали заметнее на побледневшем лице всегда бодрого и неунывающего Мишки, – показывает, что сейчас половина второго, но ведь этого не может быть, правда, Сонь? Мы в половине второго в аккурат к лесу подъезжали, я точно помню, потому что как раз на время посмотрел.

Я почувствовала, как у меня заныли зубы от чёткого ощущения, что я не хочу знать ответ на повисший в воздухе пока ещё не заданный вопрос. Просто потому, что ответ на него не понравится ни мне, ни остальным.

– Зато сеть есть! – радостно воскликнул приятель и начал лихорадочно набирать номер. – 911, правильно?

– Нет, экстренные службы 112, – я во все глаза смотрела на поднёсшего к уху аппарат Мишку, – но, насколько я знаю, тебя всё равно на него перекинёт автоматом... Ну что там?

– Гудка нет, – шёпотом отчитался Мишаня, – какие-то шумы, как помехи... О, погоди, вроде как гудок пошёл...

Я подошла ближе, забралась на удачно подвернувшийся пенёк и практически прижалась ухом к трубке, чтобы слы-

шать разговор.

– Алло! – крикнул Мишка, как только очередной длинный гудок прервался на середине. – Алло! Вы меня слышите? Алло!

В трубке повисла абсолютная тишина, не слышно было даже шорохов и помех, какие обычно бывают на линии, а потом раздался негромкий смешок, словно кто-то на том конце усмотрел в Мишкиных словах что-то очень забавное. А потом мы услышали низкий мужской голос:

– Привет... – и снова негромкий, но почему-то вымораживающий до самых костей смешок, – я тебя слышу... И жду, мой сладкий...

– Алло! Вы кто? – Мишка испуганно посмотрел на меня, но я не могла его никак подбодрить, так как изо всех сил боролась с желанием бросить всё и, закрыв глаза и повизгивая от ужаса, бежать без оглядки всё равно куда. Из трубки снова доносился длинный гудок, словно и не было никакого голоса. Потом что-то пискнуло, и гудок тоже исчез.

– Эт-т-о что было с-с-сейчас? – заикаясь от вполне объяснимого страха спросил Мишка. – Сонь, ты тоже это слышала?

– Я очень хотела бы ответить иначе, но да, я тоже это слышала, – пришлось подтвердить мне, – а вот объяснить, что это было, я не могу.

– Что тут вообще происходит, – приятель с ужасом смотрел на телефон и явно боролся с желанием зашвырнуть его

куда-нибудь подальше, — чертовщина какая-то...

Я предусмотрительно спрятала дрожащие руки в карманы куртки и постаралась выдавить хотя бы какое-то подобие улыбки. Судя по Мишкиному взгляду, получилось так себе.

— Давай вернёмся к ребятам, а? — я умоляюще посмотрела на Мишаню, чувствуя, что ещё несколько минут возле этой злополучной ёлки, и я начну кричать в голос от страха и безнадёжности, которые становились всё сильнее с каждой секундой. — Додика мы всё равно не найдём. Но, может, нам самим удастся выбраться? Может, ему достаточно одного...

— Ты что имеешь в виду? — Мишка сделал вид, что не понимает, о чём я говорю, хотя я-то прекрасно видела, что он думал о том же самом, только боялся произнести это вслух.

— Ты слышал этот голос? — я почувствовала, как при одной мысли, при одном воспоминании о жутком голосе у меня спина покрывается холодным потом. — Как ты думаешь, он не имеет отношения к исчезновению Давида?

— А вдруг тот тип в жёлтом дождевике — это он и был? — Мишка нервно заозирался, словно опасаясь, что из-за ближайшего дерева выскочит злодей в ярком плаще и начнёт размахивать окровавленным топором. — Это, правда, не объясняет того, куда он исчез вместе с Додиком. Но как-то мне уже не очень хочется это знать...

— Пойдём, Миш, ну пожалуйста! — я потянула за рукав всё ещё оглядывающегося приятеля в сторону дороги, где нас ждали встревоженные и ничего не понимающие Венечка и

Лика. – Или я тебя брошу и пойду одна, потому что стоять тут дальше я не могу. Провались оно всё пропадом!

Мишка не стал спорить, и мы, невольно постоянно оглядываясь, выбрались на дорогу, причём я не могла отделаться от ощущения, что в спину нам кто-то смотрел, причём смотрел так... оценивающе, что ли.

ГЛАВА 3

– Ну что там? – Лика чуть не приплясывала от нетерпения. – То, что вы не нашли Додика, это мы видим и так. Но что-то же вы там обнаружили? Следы какие-нибудь, не знаю, оброненные предметы, тропинку? Ну хоть что-то? Мы всё время на вас смотрели, но не смогли разобрать, что вы там делали.

– Позвонить пытались, – Мишка вытер непонятно почему вспотевший лоб, – нам показалось, что есть сеть, но лучше бы мы этого не делали, честное слово!

– Не хотите говорить – не надо, – помолчав, обиженно сказала Лика и переглянулась с нахмурившимся Венечкой, – хотя могли бы и поделиться информацией, мы все в одной лодке, как говорится. Никому вы не звонили, у вас даже телефона в руках не было, мы же всё время на вас смотрели...

– Что значит – не звонили? – наступила наша с Мишкой очередь переглядываться и пожимать плечами. – Мишаня не только телефон доставал, он же даже разговаривал, правда, мы так и не поняли – с кем. Вы что, этого не видели?!

Я сжала кулаки спрятанных в карманы рук так сильно, что

ногти ощутимо впились в ладони, и пристально всматривалась в лица ребят. Первым сдался Венечка, который, не обращая внимания на фыркнувшую Лику, неуверенно сказал:

– Сонь, вы подошли к этой ёлке, что-то там рассматривали на земле, потом ты несколько раз вокруг этого дерева обошла, мы ещё испугались, что ты тоже исчезнешь. Но Мишка всё время стоял на месте и никакого телефона не вынимал и тем более ни с кем не разговаривал. Мы на вас всё время смотрели, ни на что не отвлекались.

Я услышала, как прерывисто выдохнул Мишка, увидела, как сильно побледнела Лика, видимо, сообразившая, что всё ещё хуже, чем мы думали.

– Венечка, чем хочешь тебе клянусь, – начала я, серьёзно глядя на него, – я не ходила вокруг ёлки – это раз, Мишка разговаривал с кем-то странным по телефону – это два.

– Но как так может быть? – в голосе Лики слышались с трудом сдерживаемые слёзы, и не могу сказать, что я её за это осуждала.

– Миш, – окликнула я приятеля, – посмотри в телефоне, во сколько у тебя там последний исходящий вызов.

Мишка понятиво кивнул, вытащил смартфон и что-то стал в нём листать, мрачней с каждой секундой.

– Ну что? – я нетерпеливо обернулась к бормочущему что-то себе под нос приятелю. – Чего ты возишься?

– Соня, – начал Мишка, и его голос мне сразу не понравился, – у меня в телефоне нет исходящих звонков...

– В каком смысле – нет исходящих?

– В самом прямом, – огрызнулся Мишаня, давая понять, что у него нервы тоже не железные, – их просто нет. Последний исходящий – сегодня утром, когда я звонил Давиду уточнить время встречи. Всё.

– А в экстренных вызовах? – я попыталась ухватиться за последнюю соломинку.

– Там тоже пусто, я уже посмотрел.

– Но ты же звонил, – я даже растерялась, таким бредовым и нереальным всё это выглядело, – я же сама слышала сначала гудки, а потом этот странный голос. Разве бывают одновременно одинаковые глюки?

– Я уже ни в чём не уверен, – ответил Мишка и решительно повернулся к Лике и Венечке, – ребят, вот честное слово, я набирал 911, Сонька слышала и видела, но нам ответил какой-то странный голос, который сказал, что он нас слышит и ждёт. Голос жуткий совершенно, будто с того света... а ещё он смеялся, и это было страшнее всего. Но при этом вы смотрели на нас с дороги и ничего этого не видели! Зато в вашей версии Сонька ходила вокруг ёлки, хотя она ни на шаг от меня не отошла за всё время, что мы там провели.

– Я домой хочу, – по щеке Лики пробежала слезинка, но никто не стал ни подшучивать, ни как-либо комментировать. А что тут скажешь? Утешить и успокоить нечем, а просто сотрясать воздух тоже бессмысленно.

– Всему должно быть логическое объяснение, – не слыш-

ком уверенно проговорил Венечка, – возможно, мы попали в зону какого-нибудь эксперимента, где военные распылили в воздухе вызывающее коллективные глюки вещество.

– Не сказала бы, что это звучит намного правдоподобнее версии с инопланетянами, – честно сказала я, но не для того, чтобы поспорить, а для того, чтобы хоть что-то говорить. Мне казалось, что ни в коем случае нельзя допускать тишины: как только станет тихо, мы снова услышим тот жуткий смех. И этого моя психика уже не выдержит. Уж лучше поговорить об экспериментах и инопланетянах – оно как-то надёжнее.

– Скоро стемнеет, – Мишка с тревогой посмотрел на постепенно становящееся из голубого нежно-фиолетовым небо, – и я так понимаю, что ночевать нам придётся прямо здесь. Не таким я представлял себе этот вечер, честно говоря.

– Я тоже надеялся провести его иначе, – согласился Венечка, – перед телевизором с банкой пива и пиццей. Сегодня «Манчестер Юнайтед» играет.

– Я боюсь даже представить, что скажет Костя, когда не сможет вечером до меня дозвониться, – Лика беспомощно посмотрела на меня, так как из всей компании только я имела сомнительное удовольствие быть знакомой с Константином Александровичем. – Как я объясню ему, почему не ночевала дома? Он и так не в восторге от моего окружения...

– Можно подумать, тебя кто-то заставляет с нами общать-

ся, – неожиданно зло ответил Венечка, – если мы неподходящая для тебя компания, так чего ты с нами поехала? Сидела бы со своим расфуфыренным женихом в каком-нибудь пафосном ресторане и проблем не знала бы! Это гораздо более подходящий для тебя досуг!

– Почему ты на меня кричишь? – на глазах Лики сверкнули слёзы обиды. – Если приличный ресторан мне нравится больше, чем пиво и пицца перед телевизором, то я не вижу в этом ничего плохого. Или ты бесишься, потому что не можешь себе позволить пригласить меня в приличное место и только облизываешься в мою сторону, когда думаешь, что я не вижу?

– Ребят, успокойтесь, – попытался сгладить ситуацию Мишка, – никто никого не обижает, просто мы все на взводе, вот и срываемся. Всё и без того паршиво, так давайте хотя бы мы сами ссориться не будем, а?

Вообще-то, если честно, то Лика была совершенно права: ни для кого из нас не было секретом, что Венечка, мягко говоря, равнодушен к нашей красоте. И только он сам был свято убеждён, что его чувства для всех окружающих являются тайной. Впрочем, обычно именно так и бывает: в курсе абсолютно все кроме главного героя.

– Никто и не ссорится, – присоединилась к миротворческой деятельности Мишани я, – просто все устали, что и не удивительно. Поэтому предлагаю присмотреть место и начать готовиться к ночёвке, пока окончательно не стемнело.

– Двое могут спать в машине, – с ходу поддержал мою идею переключить внимание ссорящихся на более прагматичные моменты Мишка, – полагаю, эту возможность нужно предоставить девчонкам. Ты же не против? – повернулся он к всё ещё сердито сопящему Венечке.

– А мы устроимся на обочине? – с непередаваемым ехидством поинтересовался тот.

– Прекрасный вариант для любителей пива и пиццы, – не удержалась Лика, и мне захотелось стукнуть её чем-нибудь потяжелее.

– Прекрасно! – Венечка демонстративно сплюнул под ноги и, решительно подойдя к машине, открыл багажник. – Вы как хотите, можете ночевать хоть на обочине, хоть в дупле на дереве, мне совершенно безразлично. До шоссе, конечно, далековато, а вот до полянки километра три от силы, за полчаса спокойно можно дойти. Вот спальник, вот фонарь, что ещё нужно для успешной ночёвки на природе? Так что до завтра, мои бывшие друзья.

– Вень, ты чего? – попыталась я успокоить разошедшегося приятеля, но он только раздражённо стряхнул мою руку и, засунув в рюкзак фонарь, схватил упакованный в чехол спальник и быстрым шагом пошёл в сторону поляны.

– Ну и пускай топает! – крикнула ему вслед Лика, вытирая тыльной стороной ладони слёзы. – Тоже мне, ромашка-недо-трога!

– Да вернётся он, – не слишком уверенно, правда, сказал

Мишка, глядя, как в вечерних сумерках медленно растворяется силуэт уходящего Венечки, – вот успокоится сейчас, попинает там какой-нибудь камень для снятия стресса и придёт обратно.

– Ты сам-то в это веришь? – негромко спросила я, рассматривая содержимое багажника. – Интересно, а зачем Додик в багажнике спальник? И вот это вот всё?

Я показала стоящему рядом Мишке на две аккуратных больших коробки, в которых были сложены совершенно не сочетающиеся с привычным легкомысленным образом Додика предметы. Одна коробка была полностью заполнена всевозможными продуктами длительного хранения: консервами, хлебом в вакуумной упаковке, протеиновыми батончиками, шоколадом и сухофруктами. Там же обнаружились две упаковки полулитровых бутылок с водой. Было впечатление, что Додик собирался как минимум неделю существовать вдали от любой цивилизации.

Во второй коробке мы с не меньшим изумлением обнаружили несколько фонарей, запас батареек, пару мотков тонкой, но явно прочной верёвки, четыре новых спальных мешка в чехлах, походную плитку и брикеты к ней.

– Если мне не изменяет память, – осторожно начала я, закрывая коробки и задвигая их поглубже в багажник, – мы планировали просто посетить то самое загадочное лесное озеро и к вечеру вернуться домой, а не отправлялись в недельную экспедицию. Или я что-то путаю?

– Странно это, – Мишка пожал плечами и ещё раз посмотрел на коробки.

– Только это? – подошедшая Лика нервно хохотнула. – По-моему, с тех пор, как мы заехали в этот лес, не происходило ничего, что не было бы странным. И вообще, я хочу есть и пить. Если уж нам суждено тут пропасть, то я собираюсь сделать это, не страдая от голода и жажды.

– Слушайте, а Венечка ушёл, не взяв с собой ни еды, ни воды, – вдруг сообразила я, – надо его догнать и или вернуть, или хотя бы с собой что-то дать.

– Обойдётся, – Лика сердито фыркнула, – и потом, кто за ним пойдёт? Мою кандидатуру даже не рассматривайте, я точно никуда не пойду. И вам, между прочим, не советую.

– Мне кажется, обязательно нужно держаться вместе, – уверенности в Мишкином голосе было маловато, хотя именно он был больше других дружен с Венечкой, – может, подождём, пока он сам вернётся? Или давайте все вместе сходим?

– Я уже сказала: я никуда не пойду! – категорично сказала Лика и, открыв машину, стала регулировать спинку сидения, сердито ругаясь вполголоса. – Соня, советую и тебе сделать то же самое, пока ещё хоть что-то видно. А ты, – она обернулась к Мишке, – пока найди себе место для ночёвки, потому что втроём мы в машине явно не поместимся.

Я смотрела на Лику и из последних сил боролась с дурными предчувствиями: они змеёй вползли в сердце и теперь внутри было холодно и страшно. Ощущение надвигающей-

ся беды у всех бывает разным, но у меня оно всегда ассоциировалось именно с ледяной змеюкой, которая забирается внутрь и сначала ворочается, устраиваясь поудобнее, а потом начинает сжимать сердце своими холодными скользкими кольцами.

– Ребята, давайте уйдём отсюда, – неожиданно хрипловатым, каким-то ломающимся голосом сказала я, и сама себя не узнала, – я чувствую, что не надо здесь оставаться. Давайте лучше пойдём за Венечкой, и Бог с ним и его характером.

– Уйти от машины? – Лика так удивилась, что даже из салона выглянула. – Ты с ума сошла? Вокруг же лес: если где и безопасно, то только в этом не очень надёжном, но всё-таки убежище. Даже от медведя, наверное, спрятаться можно, если вдруг что. А ты говоришь – уйти...

– Сонь, я соглашусь с Ликой, – Мишка смущённо кашлянул, – как-то меня не тянет никуда отсюда уходить. К тому же, а вдруг кто-нибудь проедет? А нас нет... Я даже не говорю, что машину могут угнать, но мы провороним возможность выбраться отсюда.

– Я чувствую, что нужно убираться с этого места, – упрямо повторила я, – и если вы не хотите, я одна пойду. Но ночевать я точно тут не останусь, ни за какие сокровища мира.

Я отчаянно перебирала аргументы, которые позволили бы мне убедить Лику и Мишку в том, что нет в окружающем лесу места опаснее, чем то, где мы сейчас находимся. Наверное, даже за злополучной ёлкой, где пропал Давид, было не

так опасно. У меня не было никаких доказательств, только ледяной ужас внутри и предчувствие катастрофы.

Но по выражению лиц ребят я видела, что они мне не верят и искренне считают себя в относительной безопасности. «Беги, беги отсюда! Всех всё равно не спасти!» – лихорадочно шептал внутренний голос.

– Я отнесу Венечке еду и воду, – решительно сказала я, – и ещё раз повторяю: здесь очень опасно, у меня дыхание перехватывает от ужаса. Пожалуйста, давайте пойдём все вместе.

– Иди, Сонь, раз уж тебе не сидится на попе ровно, только не дави на нерв, – слегка раздражённо отозвался Мишка, – а я на твоём месте в машине полежу, пока вы меня под куст или на обочину не выгнали.

Я, чувствуя своё абсолютное бессилие, взяла пакет, кинула в него три бутылки воды, несколько батончиков и большую шоколадку. Потом подумала, добавила ещё пару бутылок и банку ветчины, предварительно убедившись, что она открывается с помощью ключа, и открывашка не понадобится.

– Вы уверены, что не хотите со мной идти? – сделала я последнюю попытку уговорить друзей покинуть это проклятое место.

– Давай уже, иди, и возвращайся вместе с этим любителем пива и пиццы, – откуда-то из машины откликнулась Лика. – А мы пока отдохнём, да, Миш?

Поставленный на крышу машины включённый фонарик

должен был служить, во-первых, своеобразным маяком, когда мы с Венечкой пойдём обратно, а во-вторых, сигналом на тот случай, если какое-нибудь чудо занесёт на эту тропу ночью ещё одну машину. От идеи завести двигатель и включить фары мы, посоветовавшись, отказались, решив не тратить понапрасну бензин. Говорить о том, что свет может привлечь к машине нежелательных гостей, я даже не стала, так как для тех, кого нужно было опасаться, наличие или отсутствие света не играло абсолютно никакой роли. Если оно решит прийти, то сделает это в любом случае: хоть с фонарём, хоть без него. В этом я совершенно не сомневалась. Как и в том, что это не тот визит, которого можно избежать.

Дорога шла сначала прямо, поэтому я, когда оборачивалась, видела постепенно отдаляющееся яркое пятно фонаря. Но вот тропа постепенно стала забираться влево, и свет сначала превратился в размытое пятно, а потом и вовсе практически исчез. Я достала приготовленный фонарь, включила минимальную мощность, потому что привлечь к себе ненужное внимание – это последнее, чего мне хотелось.

Слабый свет сделал окружающий мир ещё более таинственным и практически нереальным: тени стали глубже, а выхватываемые из темноты деревья и кусты иногда приобретали совершенно немыслимые, фантастические формы. Вокруг стояла полная тишина, нарушаемая только звуками моих шагов, даже ночные птицы не заявляли о своём присутствии.

Давящая сердце тревога постепенно разжимала стискивавшие сердце ледяные когти, и чем дальше я уходила от оставленной машины, тем спокойнее мне становилось. Разумеется, до нормального состояния было ещё очень далеко, но хотя бы стало исчезать дикое желание закричать и закопаться куда угодно, главное – поглубже.

Я постоянно прислушивалась, боясь услышать позади шум или крики, но, к счастью, всё было спокойно, даже слишком, неестественно спокойно. Вдруг возникла мысль, что в мире вообще больше никого не осталось кроме меня, только песчаная, кое-где зарастающая травой дорога и тёмный, едва слышно шуршащий ветвями лес. Нет ни городов, ни людей, ни машин – ничего и никого, только я.

– Придёт же в голову такой бред, – негромко сказала я сама себе, чтобы как-то разбавить начинающую угнетать тишину. Голос прозвучал странно: глуховато, без малейших признаков эха, словно я находилась в небольшом замкнутом пространстве.

– Сейчас дойду до Венечки, скажу ему, чтобы переставал страдать фигнёй, и мы вернёмся к ребятам, – сообщила я неизвестно кому, видимо, опять же самой себе.

Окружающая тишина никак на мои откровения не отреагировала, и не могу сказать, что это меня расстроило: наверное, если бы кто-то решил мне ответить, я бы не обрадовалась.

– Как минимум полдороги я уже прошла, – я решила по-

делиться с невидимым собеседником ещё порцией ценной информации, – так что осталось совсем немного. Наверняка я скоро увижу свет Венечкиного фонаря, ведь вряд ли он станет обустроиваться на ночлег в темноте. Это было бы по крайней мере странно. Тем более у него есть фонарь, такой же вот, как у меня. У нас всех одинаковые фонари, – зачем-то пояснила я тёмному лесу.

Следующие отрезок пути я бодро прошагала в тишине, так как была занята важным делом: я считала шаги и пришла к выводу, что это прекрасный способ не думать о всякой попусторонней жути. Стоит отвлечься, и приходится начинать сначала.

– Тысяча триста сорок шесть, – сообщила я открывшейся передо мной поляне и негромко позвала, – Вень... ты здесь? Венечка...

Дальний край поляны тонул в непроглядном мраке, и мне с каждой секундой становилось всё страшнее. Если честно, то я думала, что сразу увижу приятеля, найдя его по свету фонаря. И предполагала, что он расположится где-нибудь максимально близко к тропе: зачем уходить в середину поляны? Не к дереву же он пошёл...

Я настороженно покосилась в сторону памятного дерева, но оно совершенно безмятежно чернело на фоне чуть более светлого пространства. Присмотревшись, я разглядела с той стороны ствола едва заметный отсвет, какой бывает, если при выключенном свете пользоваться мобильным теле-

фоном с подсветкой. Неужели Венечка просто включил себе музыку и не слышит меня из-за наушников? Хотя мне казалось, что его смартфон тоже категорически отказывался работать.

Идти к дереву не хотелось до потных ладоней, но если Венечка в наушниках, то хоть закричись – он не услышит. Поэтому придётся собрать все силы в кулак и тащиться к этому чёрному не то тополи, не то дубу – что это за дерево, мы так и не определили. Но Венечке я это припомню!

Глубоко вздохнув и порадовавшись, что поляна небольшая, я осторожно, стараясь не провалиться в какую-нибудь коварно скрывающуюся в траве яму или колею, пошла в сторону дерева. Подойдя к границе круга с высохшей травой, я медленно пошла вдоль неё, стараясь не заступать на «мёртвую» территорию.

Обойдя дерево, я слегка подкрутила регулятор мощности и фонарик послушно осветил достаточно мирную картинку: возле ствола был расстелен развёрнутый спальник, стоял фонарь, почему-то выключенный, аккуратно стоял прислонённый к дереву Венечкин рюкзак. На спальнике лежал телефон с включённым экраном: от него и исходил этот слабый свет.

Оглядевшись, я решила немного подождать: вдруг приятель просто отошёл по бытовой, так сказать, надобности. Странно, конечно, что, направляясь в сторону от места ночёвки, он не взял ни фонаря, ни смартфона, но мало ли...

Через десять минут, в течение которых я прислушивалась

к каждому шороху и скрипу, стало понятно, что Венечки возле дерева нет. Куда он мог деться, оставив всё здесь?

Я стала перебирать все возможные версии и собиралась перейти к невозможным, когда телефон внезапно ожил: кто-то звонил. Переступить невидимую черту и брать аппарат в руки я не собиралась. Напротив, основным желанием стало оказаться от звонящего телефона как можно дальше, желательно вообще в другом регионе. Мелькнула было дикая мысль, что звонит сам Венечка, но понимание того, что у приятеля один телефон и он лежит передо мной, заставило от этого предположения отказаться.

Я молча таращилась на упорно не замолкающий телефон и лихорадочно пыталась сообразить, что мне делать: по идее, надо бы ответить, но как до аппарата добраться? Вступать в заметный даже в темноте круг сухой травы я не собиралась ни за какие деньги. Получается, что или телефон чудесным образом подползёт ко мне, или... Тут я представила себе бодро ползущий по траве Венечкин смартфон и поняла, что это не самая удачная идея.

Пока я терзалась сомнениями, тот, кто пытался дождаться моего ответа, видимо, сообразил, что к аппарату я не пойду. Поэтому кнопка вызова самостоятельно переползла вправо, и над поляной раздался голос, который я сегодня уже слышала. Не могу сказать, что я испугалась: видимо, сознание уже перешло какую-то грань, после которой страх становится чуть-чуть другим. Я словно смотрела на всё со стороны,

мозг блокировал мысль о том, что это я, Соня Румянцева, стою глубокой ночью посреди странной поляны в ещё более странном лесу и слушаю, что хочет мне сказать голос, имеющий явное потустороннее происхождение. То есть свою норму паранормального я выбрала нет на пятьдесят вперёд, это вне всяких сомнений, поэтому слушала даже, пожалуй, спокойно. Я бы сказала, философски: от меня ведь уже ничего не зависит.

– Привет, – низкий голос, если бы он не был абсолютно невозможным, наверное, можно было бы назвать красивым: глубокий, бархатный, завораживающий, – почему ты не хочешь со мной говорить?

– Вас это удивляет? – я откашлялась, чтобы не пищать, а говорить нормально. – По-моему, в этом нет ничего странного.

– Я не враг тебе, – помолчав, сообщил голос, – наоборот, я готов стать твоим верным слугой.

– Откуда бы такая радость? – я невольно сделала пару шагов от круга, так как только такого слуги мне до полного счастья и не хватало. – Я, пожалуй, откажусь. Но спасибо за предложение.

– Ты не знаешь, от чего отказываешься, – в голосе проскользнули нотки удивления и разочарования, – я могу дать тебе силу.

– Можно я как-нибудь без неё? – я отступила ещё на два шага. – Кстати, а где Венечка?

– Это тот смешной парень, который пришёл сюда ночевать? Не волнуйся, с ним всё в порядке, – успокоил меня голос и после небольшой паузы раздался уже знакомый мне смешок, – он в гостях и утром вернётся.

– В каких гостях? – мне отчаянно захотелось вернуться во вчерашний день и никуда не ездить, никогда не видеть этого злосчастного дерева и не слышать этого голоса.

– Ему там хорошо, – заверил меня голос, – гораздо лучше, чем здесь.

– А Давид? Куда он делся из-за той ёлки?

– Он тоже... в гостях, – запнувшись буквально на секунду, ответил голос.

– А человек в ярко-жёлтом дождевике – это были вы? – мне уже, как говорится, море было по колено.

– Нет, – снова этот леденящий душу смешок, – это был не я...

– А можно я пойду? – вдруг спросила я и сама ужасно удивилась собственному вопросу. – Раз уж Венечки всё равно здесь нет.

– Иди, я не держу тебя, София, – милостиво разрешил голос, и я даже не стала спрашивать, откуда ему известно моё имя. – Но не торопись и подумай над моим предложением.

Тут я опустила глаза и резвой козой отпрыгнула в сторону: пока мы разговаривали, так сказать, «мёртвый» круг словенно разросся и уже вплотную подобрался к моим ногам. Ещё несколько секунд, и он коснулся бы моих кроссовок.

– Не получилось, – хохотнул голос, и в нём слышались почти нормальные человеческие интонации, – ну ничего, всё только начинается.

– Что начинается? – я понимала, что именно этого вопроса от меня и ждут, но удержаться не смогла. Да, я предсказуема, и дальше что?

– Новый круг, – ответил голос, а значок вызова скользнул влево и наступила тишина.

– Пойду-ка я обратно, – задумчиво сказала я, прислушиваясь, но вокруг было тихо, а Венечкин телефон спокойно лежал на расстеленном спальнике. С погасшим экраном...

Так как вступать на высохший круг я по-прежнему не планировала, то Венечкины вещи пришлось оставить здесь, тем более, что он из этих странных «гостей» вернётся сюда. Мысль о том, что он может не вернуться, я старательно загнала в самый дальний угол сознания.

Поворачиваться спиной к загадочному дереву мне ужасно не хотелось, но идти по ночной поляне спиной вперёд выглядело ещё большей глупостью, так что я мужественно развернулась и почти бегом добралась до начала тропинки. Включила фонарь на полную мощность, так как какой смысл прятаться от того, кто в состоянии разговаривать по неработающему телефону? Уже когда я сделала первый шаг по дорожке, мне показалось, что где-то в вышине на грани слышимости пронёсся уже до боли знакомый смешок. Но не исключено, что мне это только показалось – после такого разговора

не мудрено. И только внутренний голос шепнул, что так оно и было. В общем, Соня, «я слежу за тобой», видимо, именно так...

Старательно не обращая внимания на ставшие из-за контраста тьмы и света ещё более фантастическими деревья, я бодро шагала вперёд, и вот наконец-то впереди начал проступать свет поставленного на крышу автомобиля фонаря.

Я как раз размышляла, рассказывать ли Мишке и Лике о разговоре с голосом, когда из кустов, росших возле дороги, прямо передо мной выскочил крупный заяц. Он метнулся через дорогу, прижав к спине длинные уши, и только перед тем, как скрыться в еловых лапах, оглянулся на меня, сверкнув красными глазками. Я резко остановилась, судорожно пытаюсь вспомнить, какого цвета глаза у зверей в темноте, когда они попадают в свет автомобильных фар, но так и не смогла. Вроде как зелёные, но не поручусь. Может, у зайцев и красные...

Надо у Мишки спросить, вроде как он биологией увлекался в своё время, может, он в курсе. С этой мыслью я направилась к машине, стоявшей там, где она и должна была находиться. Мишани нигде не наблюдалось, видимо, он, воспользовавшись моим отсутствием, занял вакантное место в салоне. Ничего, придётся им потесниться.

Я подошла с машине со стороны водительского сидения, стукнула в окно, уже понимая, что стучу напрасно: в машине никого не было.

Память тут же услужливо напомнила слова странного голоса, сообщившего, что и исчезнувший за ёлкой Додик, и пропавший с поляны Венечка находятся в неких загадочных «гостях». Не уверена, правда, что оба эти визита были исключительно добровольными, но факт остаётся фактом.

Судя по всему, Мишаня и Лика тоже были куда-то приглашены и отказаться не захотели или не смогли. И только меня никто никуда не позвал, чему я, в общем-то, была бесконечно рада. Впрочем, голос на что-то такое намекал, но я предпочла сделать вид, что намёка не поняла. Интересно, а почему всё же такая дискриминация? Не то что я была против, наоборот, но интересно же... Может быть, дело в том, что из всей нашей компании только я не пересекала условную границу «мёртвого» круга, не подходила к дереву и не прикасалась к нему?

Может быть, не просто так мой внутренний голос всеми возможными и невозможными способами убеждал меня держаться от чёрного дерева подальше? Потому что ребят нет, а я спокойно – относительно, конечно, – стою у машины. Подумав, я открыла дверцу оказавшейся незапертой «субару» и забралась на пассажирское сидение. Посидела, повозилась, безрезультатно пытаюсь найти удобное положение: несмотря на жуткую усталость, я никак не могла выбрать комфортную позу. Наконец-то кое-как устроившись и убедившись, что двери закрыты и даже заблокированы, я стала таращиться в лобовое стекло, то ли мечтая увидеть ко-

го-нибудь из ребят, то ли надеясь, что никакое чудище не пожелает составить компанию одинокой девушке.

Смотреть из машины на ночной лес было откровенно страшно даже после всего уже пережитого. Казалось, что за чёрными деревьями притаился кто-то невероятно жуткий и только и ждёт удобного случая, чтобы напасть. Непонятно, правда, было, как этот самый придуманный мной монстр собирается выковыривать меня из запертой машины, но развивать эту мысль я поостереглась, а то такого можно нафантазировать...

Посидев минут десять, я пришла к выводу, что на заднем сидении мне будет уютнее, а то сижу на самом виду. Кряхтя и ругаясь шёпотом, перебралась назад и вольготно расположилась на большом сидении. С улицы меня явно стало видно хуже, что с учётом обстоятельств не могло не радовать.

Как ни странно, вскоре я почувствовала, что ужасно хочу спать, хотя буквально полчаса назад сна не было, как говорится, ни в одном глазу. Поразмыслив, я пришла к логичному выводу, что ничего странного в этом нет, так как уже глубокая ночь, а встали мы достаточно рано. Поэтому я ещё раз проверила дверцы, от всей души поблагодарила родителей и природу за невысокий рост и изящную комплекцию и устроилась на сидении, подложив под голову свёрнутую куртку. Получилось тесновато, но вполне прилично.

Звукоизоляция в машине была отличная, поэтому до меня не доносился ни шум ветвей, ни какие-либо иные звуки,

если они и были. Здравое рассудив, что ежели машина, стоящая посреди дороги, кому и помешает, то эти чудесные люди не постесняются меня разбудить, я уснула. Наверное, измученный стрессами организм настоятельно потребовал отдыха, так как спала я, как ни странно, совершенно спокойно: кошмары меня не мучили, монстры в окно не стучали, посторонние машины по дорогам не ездили.

Разбудил меня самый банальный солнечный луч, который нашёл просвет в ветвях и радостно в него проник, чтобы тут же устроиться у меня на носу. Я чихнула и осторожно открыла глаза: а вдруг я тоже во время сна оказалась в каких-нибудь «гостях». Но всё было нормально, и я со стоном разогнув затёкшее за ночь тело, выпрямилась на сидении.

Раздавшийся за окном весёлый смех заставил меня буквально подпрыгнуть на месте, и я, судорожно нажимая на кнопки, открыла дверцу и выбралась на свежий воздух. Оказывается, я даже не замечала, насколько душно было в запертой машине!

– О, а вот и наша Соня-соня, – шутливо поприветствовал меня Додик, вольготно развалившийся на расстеленном на обочине спальнике, – смотри, так всё на свете проспидишь!

– Мы уже половину кипятка выпили, – откликнулся заглядывавший в большой термос Венечка, – ты что будешь: чай или кофе? Но кофе, как ты понимаешь, только растворимый. Зато есть шоколад.

– Мальчики, ну дайте Соне умыться и вообще привести

себя в порядок, – вышедшая из-за невысоких ёлок Лика была свежа и, как всегда, удивительно красива. – Сонь, там за вот этими ёлками ручей с очень чистой водой, так что вполне можно ополоснуться.

– Сейчас Мишка прибежит, и будем завтракать, – объявил Додик, вытаскивая из знакомой коробки очередную упаковку протеиновых батончиков. – Мы, правда, уже перекусили, пока ты спала, но можем и повторить.

Все дружно рассмеялись, а я почувствовала, как по спине пробежал холодок: всё было как-то неправильно. Ребята были прежними, но что-то однозначно было не так! И от этого «не так» хотелось завизжать в полный голос.

– А откуда прибежит Мишка? – откашлявшись, негромко спросила я.

– Ну, он же спортсмен, побежал до поляны и обратно, чтобы форму не терять, – сияя доброжелательной улыбкой, пояснил Венечка.

Я молча смотрела на улыбающихся ребят, которые перебрасывались шутками, смеялись, раскладывали на спальнике еду. Мне хотелось забраться обратно в машину, заблокировать двери и ждать, когда кто-нибудь придёт и меня спасёт. Все вели себя нормально, но совершенно неправильно! Да и Мишка из всех видов человеческой деятельности больше всего ненавидел именно спорт, поэтому какая пробежка?! Разбудите меня! Я решила проверить веками испытанный способ и ущипнула себя за руку: стало больно, а кожа

покраснела.

– Сонь, ты чего стоишь, как неродная? – окликнул меня Додик, похлопывая по второму спальнику, расстеленному рядом. – Садись, видишь, завтрак готов, а умоешься потом...

– Спасибо, – смогла я выдавить из себя улыбку, – я Мишку подожду, а пока умоюсь.

– Правильно, гигиена – это очень важно! – заявила Лика, одобрительно и слегка покровительственно мне улыбаясь.

– Ребят, а вы где были? – рискнула спросить я. – Я вчера тут никого не нашла...

– Мы были в гостях, – широко улыбаясь, ответил Венечка, – там было замечательно! Там и переночевали.

– А меня почему не позвали?

– Мы звали, – Лика посмотрела на меня в упор своими огромными голубыми глазами, и я быстро отвернулась, так как выражение её глаз мне очень не понравилось: словно изнутри простодушной и не слишком умной Лики на меня смотрел кто-то мудрый, старый и не очень добрый.

– Звали? – переспросила я лишь бы только что-нибудь сказать. – А почему я не пошла? Я просто спросонья плохо пока соображаю, прости...

– Ты не объяснила, – равнодушно пожала плечами Лика и изящно опустилась на спальник, – просто сказала, что не хочешь, и всё. Но мы не стали настаивать, ведь это личный выбор каждого. Мне послышался в её ответе какой-то намёк,

словно под простыми словами крылась какая-то недосказанность, но я так и не смогла уловить её суть.

– А как вы достали из багажника коробку с едой так, что я совсем ничего не услышала? – зачем-то продолжала допытываться я, хотя внутренний голос твердил, что не надо настаивать, так как правды мне всё равно никто не скажет.

– Мы аккуратно, – улыбнулся мне Додик, быстро переглянувшись с Венечкой, – ты так крепко спала, что даже не заметила. А будить мы тебя не стали: ты была такая милая...

Пока мы разговаривали, из-за поворота выбежал Мишка, одетый в спортивные штаны и майку. Самое интересное было то, что вчера я у него этой одежды не видела. Мишаня остановился, несколько раз присел и, довольно улыбаясь, подошёл к нам.

– Мишаня, а ты давно бегом увлёкся? – меня словно за язык кто-то тянул, хотя головой я прекрасно понимала, что надо молчать, делать вид, что всё в порядке, и побыстрее сваливать из этого странного места. Если нам, конечно, дадут это сделать.

– Да я точно не помню, – Мишка зачем-то посмотрел на Додика, и тот едва заметно пожал плечами, – а это важно?

– Нет, – я наконец-то заставила себя перестать задавать дурацкие вопросы, – просто удивилась немного, ты раньше не особо спорт уважал, если честно.

– Людям свойственно меняться, – Мишка нравоучительно погрозил мне пальцем, и это выглядело до того дико, что

я зажмурилась в надежде, что я открою глаза и ничего не обнаружу: ни странно ведущих себя непонятно откуда взявшихся ребят, ни этого накрытого на расстеленном спальнике завтрака, ни весёлого солнечного утра. Я была согласна даже на тёмную ночь и полное одиночество в машине: в крайнем случае могу и пешочком пройтись, не рассыплюсь.

– Сонь, ты чего? – услышала я Ликин голос и тяжело вздохнула: мечта осталась всего лишь мечтой.

Протеиновый батончик, по идее, был с клубничным вкусом, но я этого не почувствовала: мне показалось, что он совершенно безвкусный, словно картонный. Я честно пыталась обнаружить в нём хоть какие-то признаки если уж не клубники, то хоть чего-нибудь, но безрезультатно.

В отличие от меня, ребята жевали с аппетитом, запивая батончики и шоколад горячим кофе. Когда с завтраком было покончено, Додик загрузил несъеденные продукты в коробку и открыл багажник. Я заглянула ему через плечо и почувствовала, что мне категорически не хватает воздуха: обе вчерашние коробки преспокойно стояли в багажнике. Значит, та, которую Додик сейчас поставил в машину, никак не могла появиться из машины: ребятам просто неоткуда было её взять. Но она была, и это никак не желало укладываться в привычную мне картину мира. А ещё это значило, что они соврали мне, точнее, неправду сказал Додик, но все его поддерживали: не вынимал он никакой коробки из багажника, потому что обе вчерашние на месте.

– Сонь, что-то не так? – прищурившись и в очередной раз переглянувшись с остальными, спросил Венечка. – Ты какая-то встрёпанная. Не выпалась?

– Душновато было в машине, – вымученно улыбнулась я, – а можно я сяду впереди, а то сзади жарко и трясёт больше...

Мысль о том, что нужно будет провести какое-то время, сидя совсем рядом с Венечкой и Ликой, практически прижавшись к ним, повергла меня в ужас. Впереди хотя бы какое-то расстояние, дающее шаткую иллюзию свободы, есть.

Вопреки моим опасениям, никто не стал спорить, лишь Мишка безразлично пожал плечами, дескать, хочешь вперёд – не вопрос.

Быстро собрав вещи, мы загрузили всё в багажник, и я запрыгнула вперёд на пассажирское сидение, пока Мишка не передумал. Додик завёл мотор, и мы неспешно покатали по грунтовке, причём никто даже не вспомнил ни про наши вчерашние попытки выбраться из леса, ни про кривую ель со старым гнездом, ни про замшелый валун. Словно ничего этого и не было. Лика безразлично смотрела в окно на мелькающие вдоль дороги деревья, Мишка и Венечка молчали, что ещё раз доказывало, что с ними что-то произошло. Оба приятеля могли не разговаривать максимум в течение трёх минут, в основном они болтали без умолку на самые разные темы. Додик внимательно смотрел на дорогу и разговор тоже не начинал.

Когда впереди показался просвет, все отреагировали на это очень странно – в том смысле, что никак не отреагировали. Только я сжалась на своём сидении в ожидании появления поляны с чёрным деревом. Но лес кончился, и я увидела широкий простор поля, засеянного чем-то наверняка сельскохозяйственно полезным.

Лес отпустил нас...

Так же без каких-либо проблем мы выехали на трассу и уже через час за окнами замелькали многоэтажки, светофоры и билборды. Тишина, царившая в машине в течение всей поездки, довела меня до состояния, близкого к истерике, и когда Давид затормозил возле поворота в сторону моего дома, я не выдержала:

– Останови здесь, я по пути в магазин забегу, а то дома продуктов практически нет, – насколько смогла беззаботно попросила я, – а потом как-нибудь созвонимся, хорошо?

– Как скажешь, – тот, прежний, Додик обязательно начал бы спорить и убеждать меня, что непременно должен доставить девушку прямо к крыльцу. Этот же, новый, странный Давид лишь кивнул и спокойно прижался к тротуару.

– Я позвоню тебе, – радостно улыбаясь, сказал Венечка, а Мишка и Лика слаженно кивнули, – в кино ходим или в кафе.

– Непременно! – заверила я его, лихорадочно отстёгивая ремень безопасности и выбираясь на улицу. – Всем пока!

Я остановилась на светофоре и осторожно обернулась: ре-

бятя, все четверо, внимательно смотрели на меня из машины.

ГЛАВА 4

Я перешла дорогу, спиной чувствуя их странные пристальные взгляды, и даже не поворачиваясь могла совершенно точно сказать, что машина по-прежнему стоит там, где я из неё вышла. Казалось бы: езжайте вы себе дальше спокойно, что за мной наблюдать-то? Не маленькая, не заблужусь, до дома идти метров триста, не больше.

От того, что я наконец-то рассталась с так внезапно и так пугающе изменившимися ребятами, я чувствовала невероятное облегчение. Казалось, что теперь всё останется в прошлом: и этот странный лес, и безумная ночёвка, и жуткое дерево. С каждой минутой ощущения как-то притуплялись, страх отступал, сменяясь уверенностью, что ничего такого непоправимого, в общем-то, и не случилось.

В супермаркет, расположенный буквально в соседнем доме, я входила уже почти спокойной. Было ощущение, что от недавних событий меня отгораживает что-то вроде завесы, словно стена дождя или что-то, очень на это похожее. Я эту отстранённость воспринимала как подарок, так как продолжать переживать из-за произошедшего сил просто не было.

Только увидев лежащие на полках продукты, я поняла, насколько проголодалась за прошедшие сутки, так как сгрызенный утром безвкусный батончик воспринимать в качестве еды не очень получалось. Поэтому я решительно кину-

ла в корзинку пельмени, стаканчик сметаны, пучок укропа и багет с сыром и ветчиной – гулять так гулять!

Уже подходя к кассе, я боковым зрением заметила знакомый силуэт, но стоило мне повернуться, как он куда-то пропал, и я решила, что мне от усталости уже чудится невесть что. Ну что делать в супермаркете Венечке, когда он остался в машине и наверняка уже подъезжает к своему дому. Тряхнув головой, я прогнала ненужные бестолковые мысли и, расплатившись, вышла из магазина. Предвкушая вкусный, пусть и не слишком полезный не то поздний завтрак, не то ранний обед, я набрала код на домофоне, вошла в подъезд, зачем-то оглянувшись перед тем, как закрыть дверь. Среди стоящих вдоль тротуара машин мне почудилась знакомая тёмно-зелёная «субару», но я решительно прогнала идиотские глюки.

Квартира встретила меня блаженной прохладой, тишиной и почему-то ароматом свежемолотого кофе. Наверное, после чистого воздуха запахи городской обыденной жизни чувствуются острее, ярче.

Дождавшись, пока вода в кастрюльке закипит, я плюхнула туда пельмешки и, убавив огонь, пошла в комнату, чтобы включить ноутбук. Современный человек, на день выпавший из информационного пространства, ощущает себя потом так, словно уезжал на год как минимум, и с восторгом погружается в изучение новостных лент, сообщений в соц-сетях и так далее и тому подобное.

Я исключением не являлась, поэтому тут же полезла в почту и слегка зависла, увидев, что у меня 91 непрочитанное письмо. Нет, я, конечно, как и все, получаю письма и по работе, и от всяких организаций, но не в таких же нетривиальных количествах. Тем более все они пришли в течение последних пятнадцати часов, то есть часов с трёх субботы до двенадцати часов воскресенья. С сомнением глянув на цифру, я вошла в почту и с трудом поборола желание протереть глаза: все письма были отправлены с одного и того же адреса.

Наведя курсор на одно из писем, я почувствовала то же самое, что и вчера на поляне возле дерева. Что-то внутри меня однозначно предупреждало: не делай этого. Но я так устала от непонятностей, загадок и всякого мистического бреда, что махнула на предупреждение рукой и открыла письмо. Оно было очень коротким и состояло всего из одного предложения. «Тебе не уйти из Круга, Соня!»

Какой Круг? При чём здесь я? От чего я не смогу уйти? Откуда отправитель знает моё имя? Тот странный голос в Венечкином телефоне тоже что-то говорил о каком-то круге. Это один и тот же круг или разные? Так ведь и с ума сойти не долго! И кому понадобилось присылать мне почти сотню совершенно одинаковых сообщений?

Шипение, донёсшееся из кухни, заставило меня выругаться и, роняя тапки в самом прямом смысле этого выражения, побежать туда. Пельмени, видимо, обиженные длительным невниманием с моей стороны, прилипли к дну кастрюли,

вода практически вся выкипела. Ругнувшись ещё раз и помянув недобрым словом шутника, развлекающегося таким своеобразным спамом, я кое-как вилкой отковыряла слипшиеся пельмени от кастрюли, плюхнула их в тарелку, посыпала мелко нарезанным укропом и щедро полила сметаной. Получилось вполне так симпатичненько.

Прихватив вилку, я вернулась в комнату, села за стол и, наколов на вилку два пельменя сразу, собралась приступить к еде, но так и застыла с открытым ртом. Писем в почте не было. Вот то есть совсем не было, ни единого из девяноста одного.

Осторожно положив вилку с пельменем, ещё минуту назад казавшимся чрезвычайно привлекательным, я молча смотрела на экран и на надпись, сообщавшую, что «непрочитанных сообщений нет».

Аккуратно закрыв почту, я, позабыв про пельмени, встала и подошла к окну, чтобы тут же от него отпрянуть. На детской площадке, надев бейсболку так, чтобы козырёк почти скрывал лицо, сидел Мишаня. Может быть, я и не узнала бы его, но на нём была футболка с Томом и Джерри, которую я ему и подарила в своё время.

Девушкой я всегда была решительной, поэтому, ещё раз посмотрев на сидящего на лавочке Мишку, на ноутбук с пропавшими письмами, я отошла от окна и направилась в прихожую. Если я буду сидеть дома и бояться, то успешно поэтапно доведу себя сначала до истерики, а потом и до нерв-

ного срыва. Оно мне надо? Ответ был очевиден, поэтому я протянула руку и открыла дверь.

Не успела я переступить порог родной квартиры, как мир вокруг вспыхнул огнями, громыхнул и исчез в абсолютно «ничто».

Темнота... Ватная, густая, обволакивающая, липкая, не дающая дышать полной грудью. словно вокруг плотный непроницаемый для света кокон, который с каждым мгновением сжимается всё сильнее. Или это давит не темнота, а обрушившиеся на меня обломки мебели и куски стен? Нет, вряд ли: если бы меня завалило, я чувствовала бы боль, ибо такие события неизбежно влекут за собой переломы как минимум, а её не было. Или... А вдруг позвоночник? Вдруг я вся переломана и теперь просто ничего не чувствую? Кровь бешено зашумела и запульсировала в висках, сбивая и без того неровное дыхание, а сердце затрепыхалось и попыталось вырваться из грудной клетки. Осторожно шевельнув пальцами, я перевела дыхание и попробовала поднять руку. Локоть тут же упёрся во что-то острое, но я была счастлива: значит, тело не подвело меня, я по-прежнему могу двигаться, я не превратилась в беспомощного инвалида. Впрочем, радоваться было рано, нужно было сначала понять, что произошло, и попытаться выбраться из проклятой темноты. Почему-то в голову, видимо, здорово ушибленную рухнувшими на меня обломками, пришла неуместная и оттого нелепая ассоциация с кротом. Буду двигаться, как он, в крошечной

тьме, ориентируясь только по запахам и отголоскам магнитного поля.

Принять решение оказалось гораздо проще, чем его реализовать: я с трудом смогла пошевелиться в тесном пространстве. В тело всё время впивались то острые углы чего-то непонятного, то какие-то не то штыри, не то колья, не то остатки арматуры. На то, чтобы перевернуться со спины хотя бы на бок, у меня ушло дикое количество времени. Хотя с другой стороны – спешка в данный момент мне совершенно ни к чему. Конкретно сейчас важно не торопясь, стараясь не пораниться, перевернуться на живот и проверить, могу ли я встать хотя бы на четвереньки.

Через бесконечно долгое, как мне казалось, время я всё-таки справилась с поставленной задачей, умудрившись ничего себе не сломать и не вывихнуть. Медленно приподнявшись на локтях, я прислушалась, стараясь уловить хоть какой-то звук, который подсказал бы мне, где выход из этого абсолютного, непроглядного мрака.

В какой-то момент мне показалось, что где-то далеко, на пределе слышимости, раздался хриплый рёв мотора, но он был настолько далеко, что понять более детально, что и где, не было ни малейшей возможности. Но я вытянула вперёд руку и попыталась на ощупь определить, могу ли я, если что, двигаться в том направлении. Пальцы нащупали внизу что-то, напоминающее грубую каменную кладку с неровными линиями швов.

Интересно, это природный феномен или я по-прежнему нахожусь в помещении? Мозг настойчиво голосовал за второй вариант, так как я абсолютно чётко помнила, что перед тем, как мир вокруг неожиданно взорвался миллионом разноцветных искр, я находилась в собственной квартире и собиралась спуститься вниз и выяснить, зачем ребята за мной следят.

Память услужливо нарисовала картинку, как я отхожу от окна, надеваю кроссовки, открываю дверь. Я делаю шаг, и окружающее пространство внезапно взрывается фейерверком, оглушая, ослепляя, выбивая воздух из лёгких. Сотни, тысячи, миллионы и миллиарды ярких, мельтешащих искр. И затем – темнота...

Сквозь прочный панцирь здравого смысла сначала робко, но с каждой минутой всё увереннее начала пробиваться мысль, которую я решительно попыталась загнать подальше. Мысль упиралась и загоняться не хотела. А вдруг я, как героиня одной из столь любимых мной книг, попала куда-то в другой мир или в параллельное измерение? Ну или где там попаданцы оказываются? Тогда меня в ближайшее время должны раскопать, а дальше начнутся приключения, а вот страшные или забавные – это уж как повезёт.

Наверняка и странные события последних суток тоже как-то с этим связаны. Может быть, те самые загадочные «гости», в которых побывали парни и Лика, это какой-нибудь параллельный мир? Звучит совершенно бредово, но лучше такой

вариант, чем никакого.

С черепашьею скоростью продвигаясь вперёд, я лихорадочно вспоминала всё, что мне было известно о героях таких книг. В своё время я прочитала и пролистала немало подобных историй, но потом к ним как-то охладела. Насколько я помнила, герои, попадающие в другие миры, традиционно были представителями силовых структур, хотя бы в прошлом. Они умели метко попадать в цель из всего, что может стрелять, и не очень метко из того, что стрелять не в состоянии от слова «абсолютно». В комплекте чаще всего шло владение приёмами рукопашного боя, умение ездить верхом, а также способность легко и беззаботно размахивать тяжёлым мечом.

Я образу классического попаданца не соответствовала совершенно: из оружия более или менее прилично владела только ножом, ну и немного драться умела. Сказывалось не самое благополучное детдомовское детство, когда от умения защититься в драке и увернуться от ножа порой зависела жизнь. Но с тех пор прошло уже несколько лет, и спокойное, достаточно благополучное существование изрядно притупило былые навыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.